

УДК 001

DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-3-93-101

ТИПЫ НАУЧНОГО ЛИДЕРСТВА (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ)

Алпатов Владимир Михайлович – доктор филологических наук, академик РАН, профессор, главный научный сотрудник. Институт языкознания РАН. Российская Федерация, 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1, стр. 1;
e-mail: v-alpatov@ivran.ru

Научные коллективы могут иметь различный характер. Они могут быть чисто неформальными, но могут сразу или через некоторое время приобрести официальный статус (институт, сектор, кафедра и т.д.). В любом случае коллективу необходим научный лидер, а если он имеет формальный статус, то появляется и административный лидер; два лидера могут совмещаться в одном лице, но так бывает не всегда. Чисто научное лидерство складывается внутри коллектива, административное лидерство обычно задается извне. В статье на примере лингвистики рассматриваются разные виды научного и научно-организационного лидерства. Первый тип – тотальный лидер, пример – академик Н.Я. Марр. Такой человек мог быть только лидером; он не различал научную и административную сторону своей деятельности; под свои глобальные идеи он стремился создавать целые учреждения. Возможна в то же время институционализация коллектива, при которой научный лидер получает административные функции. Но часто лидеры двух типов – разные люди. Те из них, кто сильны в науке, часто не умеют руководить, а умелые руководители не являются источниками научных идей. Научным лидером Московской диалектологической комиссии был Н.Н. Дурново, а административным – Д.Н. Ушаков; научным лидером Московской фonoлогической школы после того, как она собралась на одной кафедре, остался В.Н. Сидоров, а административным лидером стал получивший заведование кафедрой Р.И. Аванесов.

Ключевые слова: лидерство в науке, неформальный лидер, формальный лидер, языкознание, Марр, Старостин, Ушаков, Дурново, Сидоров, Бахтин

Цитирование: Алпатов В.М. Типы научного лидерства (на примере русского языкознания) // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 3. С. 93-101. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-3-93-101

TYPES OF SCIENTIFIC LEADERSHIP (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN LINGUISTICS)

Vladimir M. Alpatov – PhD DSc in Philosophy, full member of the RAS, professor. Institute of Linguistics, Russian Academy of

Research teams are of a different nature. They can be informal, yet they can acquire official status promptly or after a while (institute, sector, department, etc.). In any case, the team needs a sci-

Sciences. 1 bld. 1 Bolshoy Kislavsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation;
e-mail: v-alpatov@ivran.ru

entific leader, and if it possesses a formal status, it will acquire an administrative leader as well. Two leaders can coexist in one person, yet this is not always the case. The article examines different types of scientific and scientific-organizational leadership using the example of linguistics. The first type is a total leader; an example is the academician N.Ya. Marr. A person like him could only be such a leader; he did not distinguish between the scientific and administrative aspects of his activities, and under his global ideas, he strove to create entire institutions. Along with it, the institutionalization of the team is possible, under which the scientific leader receives administrative functions. Still, the two types of leaders are often different people. Those who are strong in science do not always know how to lead, while skillful leaders may not be sources of scientific ideas. The scientific leader of the Moscow Dialectological Commission was N.N. Durnovo, and D.N. Ushakov was its administrative leader; V.N. Sidorov remained the scientific leader of the Moscow phonological school, after it gathered at one department, while R.I. Avanesov was the administrative leader.

Keywords: leadership in science, informal leader, formal leader, linguistics, Marr, Starostin, Ushakov, Durnovo, Sidorov, Bakhtin

For References: Alpatov, Vladimir. 2021. Types of scientific leadership (on the example of Russian linguistics), *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 4 (3): 93-101. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-3-93-101 (In Russian).

Научные коллективы могут иметь различный характер. Они могут быть неформальными, объединяя специалистов независимо от их места работы (или даже не имеющих постоянной работы), разрабатывающих единую научную тему с совпадающих или близких позиций или применяющих некоторые общие идеи и подходы к разным областям знаний. Однако возможна и ситуация, при которой научный коллектив (весь или в большей части) объединен институционально, представляя собой институт, сектор, кафедру и т.д. Всегда необходимо иметь научного лидера, который является основным поставщиком идей, затем обсуждаемых, принимаемых или отвергаемых; это, конечно, не исключает выдвижение идей и другими членами коллектива. Полное равенство вряд ли достижимо, хотя по разным вопросам может быть наиболее компетентен то один член коллектива, то другой. Во втором случае необходим также административный, организационный лидер, несущий ответственность за работу коллектива. Два лидерства могут совмещаться в одном лице, что, однако, не обязательно.

Разумеется, на соотношения между ведущими и ведомыми влияет сам характер работы. Особая ситуация наблюдается в экспери-

ментальных и прикладных исследованиях. Я разберу наиболее традиционный тип научного коллектива, когда его участники либо пишут работы (книги, статьи, тексты докладов, фрагменты единого целого) по отдельности, но с ориентацией на некоторую единую научную программу, либо вместе сочиняют свой текст. Речь пойдет об истории отечественного языкознания, где можно найти примеры разных видов научного лидерства. Вероятно, наука о языке – лишь один из примеров выявления некоторых общих закономерностей, которые можно наблюдать в разных условиях.

Первый вид: тотальный лидер, пример – академик Н.Я. Марр (1864/65-1934). Это был, как писал академик В.М. Алексеев, «грандиозный, бурный, беспредельный темперамент... Это был вечный гейзер, не деливший своих вод на струи и назначения, – вулкан, действовавший в едином огне и сотрясавший все вокруг» [Алексеев, 1935, с. 64]. Сам он писал о себе: «Я привык слушать всех, кто давал мне советы (а их так много), чтобы тем резче часто сделать совершенно противоположное» [Марр, 1933, с. 9]. Такой человек в любом коллективе мог быть только лидером. При этом он не разделял научную и административную сторону своей деятельности. С одной стороны, Марр непрерывно выдвигал все новые идеи; как позже писал его ученик, у него «синтез решительно преобладал над анализом, обобщения над фактами»; при активности творческого центра Марр был лишен центра торможения [Абаев, 1960, с. 99]. С другой стороны, часто он, выдвинув ту или иную идею, стремился создать под нее учреждение, сотрудники которого развивали бы эту идею на разном материале, но строго по начертаниям лидера. Так был создан, в частности, Яфетический институт, из которого выросли три поныне существующих основных академических института по языкознанию в Москве (Институт языкознания и Институт русского языка) и Санкт-Петербурге (Институт лингвистических исследований). Ученых же, не согласных с ним, Марр старался изгнать из науки. Он стремился добиться и международного лидерства, но здесь это не получилось, и Марру пришлось ограничиться лидерством в советской науке.

Конечно, не всегда совмещение научного и административного лидерства связано со столь далеко идущими последствиями. Совмещение двух видов лидерства зависит от разных факторов. Если научное лидерство создается на основе харизмы и/или авторитета того или иного ученого и определяется внутри коллектива, то административное лидерство обычно задается извне. Возможна и постепенная институционализация, когда первоначально неформальный лидер превращается одновременно и в административного вследствие политических изменений, ухода прежнего лидера и пр. С.А. Старостин (1953-2005) не был основателем ностратики, активно развивающейся в России лингвистической дисциплины, изучающей дальнее родство. Однако в силу ряда обстоятельств он

стал сначала неформальным лидером ностратики, а в 1990-е гг. он уже мог занять и формальные позиции в РГГУ, а затем и в Институте языкознания РАН.

Другой случай, когда лидеры действуют в разных сферах: у одного может лучше получаться выдвижение идей, у другого – организация работы. В начале XX в. в Москве вокруг Московской диалектологической комиссии сложилась школа русистов-диалектологов, где выделились два лидера: Д.Н. Ушаков (1873-1942) и Н.Н. Дурново (1876-1937). Друзья и единомышленники, они, тем не менее, различались и по характеру, и по научному потенциалу.

Ушаков с самого начала был организационным лидером, как в комиссии, так и в научной школе. Первоначально официальным председателем комиссии считался академик Ф.Е. Корш (1843-1915), но реально ею руководил его заместитель Ушаков. После смерти Корша Дмитрий Николаевич возглавлял комиссию официально вплоть до ее ликвидации в конце 1920-х гг. За свою жизнь он выполнял административные функции не только там. Он успешно руководил коллективом составителей его знаменитого словаря, а в последнее десятилетие жизни заведовал кафедрой русского языка МИФЛИ. Младшее поколение русистов относилось к Ушакову с большим уважением, называло себя его учениками, но не считало его значительным и оригинальным ученым. Один языковед из этого поколения, Р.И. Аванесов в воспоминаниях позднее писал в связи со становлением новых методов в языкознании, в том числе фонологии: «Д.Н. Ушаков, мало понимая по существу, чуть-ем мудрого человека понимал, что за новым будущее, и поощрял нас» [Аванесов, 2004, с. 17]. Он, прежде всего, преподавал, сохраняя традиции, шедшие от своего учителя Ф.Ф. Фортунатова, а также был выдающимся популяризатором науки и хранителем русской литературной нормы.

Вероятно, административная деятельность Ушакова спасла ему жизнь в годы репрессий. В следственных материалах «Дела славистов» конца 1933 – начала 1934 гг. его имя постоянно упоминается в качестве «руководителя контрреволюционной организации», на него собирали показания, но затем он исчезает из дела и в итоге не был арестован. И исчезновение совпало со временем, когда с делом знакомился И.В. Сталин. Видимо, он не дал санкции на арест Ушакова: его словарю, над которым в это время шла работа, придавалось большое значение.

А научным лидером школы был Н.Н. Дурново, умевший выдвигать идеи, но крайне непрактичный за пределами науки. В тех же воспоминаниях Р.И. Аванесов пишет: «Н.Н. Дурново был большой ребенок, сохранявший удивительно яркое восприятие всей окружающей действительности». В отличие от Ушакова он «и понимал и принимал... новое. Вернувшись из Праги, он говорил, что мно-

гому научился у своего ученика по Московскому Университету Р.О. Якобсона» [Аванесов, 2004, с. 17]. Организация научной работы не была его стихией, но в школе диалектологов он был главной научной силой, и его классификация русских диалектов сохраняет значение и сейчас. Но в пору репрессий «большой ребенок», к тому же не вовремя уезжавший за границу, а потом не вовремя вернувшийся, пострадал одним из первых и затем был расстрелян.

Бывает, что неформальный кружок единомышленников затем получает некоторый формальный статус. Пример с С.А. Старостиным приводился выше. Но два лидера в этом случае могут и не совпадать. Московская фонологическая школа, сложившаяся в 1920-е гг., поначалу была неофициальным кружком, но в 1930-е гг. ее представители собрались на кафедре русского языка Московского городского педагогического института. В подобных случаях организационным лидером обычно бывает заведующий кафедрой, им стал уже упоминавшийся Р.И. Аванесов (1902-1982). Позже участники кружка (П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский) отмечали его административные способности, но невысоко ставили его как ученого. Научным лидером они всегда признавали В.Н. Сидорова (1903-1968), который подавал теоретические идеи. П.С. Кузнецов впоследствии писал: «Я познакомился с выдающимися в дальнейшем лингвистами Р.И. Аванесовым, В.Н. Сидоровым, положившим основание (собственно положил В.Н., а Р.И. больше был организатором по линии «представительства») так называемой Новой Московской школы (а Московской фонологической школы даже без эпитета «Новая»)» [Кузнецов, 2003, с. 175].

Кстати, из московских фонологов только Аванесов был избран членом-корреспондентом Академии наук. А вот Сидоров получил из них наименьшую известность, поскольку отличался, по выражению Реформатского, «малописью» [Реформатский, 2004б, с. 396], поэтому его многие идеи потом доводили до печатного вида его друзья. Однако «Владимир Николаевич писал редко и написал мало, но он для нас, его ближайших друзей и единомышленников, был источником теоретической мысли, тем аккумулятором, который питал и Рубена Аванесова, и Петю Кузнецова, и меня» [Реформатский, 2004а, с. 393]. А наблюдавший за Московской фонологической школой со стороны В.В. Виноградов сказал о нем: «Сидоров – автор очень многих идей, но большая часть разошлась по рукам, в чужих диссертациях» [Панов, 2004, с. 83]. Важнейшее место в созданной школой теории занимало понятие гиперфонемы, автором которого единодушно был признан Сидоров, но если другие представители школы использовали его многократно, то у Сидорова оно зафиксировано в единственном устном выступлении, записанном на магнитофон и посмертно изданном [Крылов, 2004, с. 314–315]. Большинство своих не столь многочисленных публикаций он написал вместе с соавторами. Так что каждый из лидеров

занимал свое четкое место. А сейчас, пожалуй, из членов кружка лучше всего помнят А.А. Реформатского, не бывшего лидером ни в каком отношении. Так что память – совсем другой параметр.

Еще одним кружком был так называемый круг Бахтина, существовавший в Ленинграде в 1920-е гг. Он все время существования был неформальным и никогда не имел определенного статуса, но имел четко выраженного научного лидера в лице М.М. Бахтина. При этом он в те годы в отличие от других участников кружка не имел постоянной работы. Если рассмотренные выше формальные и неформальные коллективы занимались только лингвистикой, то здесь присутствовали литературоведы, востоковеды, философы и даже музыканты и естественники, а единственным профессиональным языковедом был В.Н. Волошинов (который также выходил за пределы лингвистики, написав книгу о фрейдизме). В кружке происходила коллективная разработка самых разных идей и проблем. Он напоминал сложившийся на несколько лет позже кружок московских фонологов, но обращался к более широкой проблематике. Идеи подавал, прежде всего, Бахтин, имевший самые разнообразные интересы. В то же время он (как и Сидоров) с большим трудом писал законченные тексты. Не говорю сейчас о хорошо известных трудных обстоятельствах его биографии, но почти всегда он мог писать хотя бы в стол. Тем не менее, за долгую жизнь он закончил и издал лишь две книги (правда, обе в двух вариантах, если считать первым вариантом «Рабле» диссертацию), хотя после него осталось много набросков и незаконченных сочинений. Правда, рукопись еще одной книги пропала во время войны, но неизвестно, была ли книга завершена.

Сидоров реализовывал свой потенциал большей частью устно, а писал чаще в соавторстве. Бахтин (не считая случайных театральных рецензий) не публиковался в качестве соавтора, но в период существования его кружка он постоянно снабжал идеями своих друзей. Отсюда во многом и гипотезы о том, что языковед В.Н. Волошинов и литературовед П.Н. Медведев были «подставными авторами», а реальным автором их сочинений был Бахтин. Вопрос об авторстве «спорных текстов» уже имеет значительную литературу. Я об этом уже подробно писал [Алпатов, 2005, с. 94–18].

В письме В.В. Кожинову от 10 января 1961 г. Бахтин писал о приписывавшихся ему книгах «Марксизм и философия языка» и «Формальный метод в литературоведении»: «В.Н. Волошинов и П.Н. Медведев – мои покойные друзья; в период создания этих книг мы работали в самом тесном творческом контакте. Более того, в основу этих книг и моей работы о Достоевском положена общая концепция языка и языкового произведения.... Должен заметить, что наличие общей концепции и контакта в работе не снижает самостоятельности и оригинальности каждой из этих книг» [Из переписки, 2000, с. 127–128].

В более поздних письмах Бахтин высказывался несколько иначе вплоть до признания себя автором не только этих двух книг, но и «Фрейдизма», который в данном письме прямо исключается из текстов, имеющих к нему отношение. Однако данное свидетельство остается очень важным. И участие Бахтина в написании то ли двух, то ли трех книг (а, может быть, и других сочинений, вышедших из «Круга Бахтина») напоминает участие Сидорова в публикациях его друзей. Это не соавторство, но участие, возможно, значительное, в выработке концепции. Есть свидетельство, исходившее от жены Бахтина, о том, что он диктовал Волошинову какие-то фрагменты «Марксизма и философии языка» [Бочаров, 1993, с. 73]. Это, однако, не может означать, что происходила диктовка всей книги, тем более, что она писалась в несколько этапов.

Приписывание «спорных текстов» Бахтину имеет разные причины, в том числе и политические (Волошинов в момент написания книги был марксистом, а Бахтин, по-видимому, в те годы относился к этому учению с интересом, но к 1960-м гг. его не принимал), и, разумеется, влияет большой авторитет Бахтина. По крайней мере, нет убедительных доказательств того, что Бахтин писал весь текст книги, но идеи главы кружка там, вероятно, присутствовали. Он был лидером, и не удивительно, что после высылки Бахтина в Кустанай кружок распался.

Итак, проблема лидерства в науке имеет много аспектов и имеет различные пути решения в науке. Ни один коллектив единомышленников не может обойтись без лидера, но два типа лидерства – идейное и административное – могут сочетаться между собой по-разному.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Абаев, 1960 – *Абаев В. И.* Н.Я. Марр (1864-1934). К 25-летию со дня смерти // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 90–99.

Аванесов, 2004 – *Аванесов Р. И.* Владимир Николаевич Сидоров // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова / отв. ред. С.Н. Борунова, В.А. Плотникова-Робинсон. М.: Институт русского языка. 2004. С. 13–19.

Алексеев, 1935 – *Алексеев В. М.* Памяти Н.Я. Марра // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.: Государственная академия истории материальной культуры, 1935, № 3-4. С. 66–68.

Алпатов, 2005 – *Алпатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005. 432 с.

Бочаров, 1993 – *Бочаров С. Г.* Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70–89.

Из переписки М. М. Бахтина и В. В. Кожина (1960-1966) // М. М. Бахтин в контексте русской культуры XX века. Диалог. Карнавал. Хронотоп. М.: Языки русской культуры, 2000, № 3-4. С. 71–290.

Крылов, 2004 – *Крылов С. А.* О понятии гиперфонемы в Московской фонологической школе // *Крылов С. А.* Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. Ч. 1. Морфемика, морфонология, элементы фонологической трансформаторики (в аспекте общей теории морфологических и морфонологических моделей). М.: Восточная литература РАН, 2004. 479 с.

Кузнецов, 2003 – *Кузнецов П. С.* Воспоминания // Московский лингвистический журнал, 7/1, 2003. С. 155–250.

Март, 1933 – *Март Н. Я.* Избранные труды, т. I. М.-Л.: АН СССР, 1933. 398 с.

Панов, 2004 – *Панов М. В.* Воспоминания о В.Н. Сидорове // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова / отв. ред. С.Н. Борунова, В.А. Плотникова-Робинсон. М.: Институт русского языка. 2004. С. 78-78–87

Реформаторский, 2004 – *Реформатский А. А.* Памяти Володи // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова / Отв. ред. С.Н. Борунова, В.А. Плотникова-Робинсон. М.: Институт русского языка. 2004. С. 393–394.

Реформаторский, 2004 – *Реформатский А. А.* Письмо В.Н. Сидорову 6 декабря 1963 г. // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова / отв. ред. С.Н. Борунова, В.А. Плотникова-Робинсон. М.: Институт русского языка. 2004. С. 396.

References

Abayev, V.I. “N.Ya. Marr (1864-1934). K 25-letiyu so dnya smerti” [N. Ya. Marr (1864-1934). To the 25th anniversary of his death], *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 1960, no. 1, pp. 90–99. (In Russian)

Alekseyev, V.M. “Pamyati N.Ya. Marra” [In memory of N.Ya. Marr], *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of the History of Pre-Capitalist Societies]. Leningrad: State Academy of the History of the Material Culture, 1935, no. 3-4, pp. 66–68. (In Russian)

Alpatov, V.M. Voloshinov, Bakhtin i lingvistika [Voloshinov, Bakhtin, and Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2005. (In Russian)

Avanesov, R.I. “Vladimir Nikolayevich Sidorov”, in: S.N. Borunova, V.A. Plotnikova-Robinson (eds.), *Ottsy i deti Moskovskoy lingvisticheskoy shkoly. Pamyati Vladimira Nikolayevicha Sidorova* [Fathers and Children of the Moscow Linguistic School. In Memory of Vladimir Nikolaevich Sidorov]. Moscow: Institut russkogo yazyka Publ. 2004, pp. 13–19. (In Russian)

Bocharov, S.G. “Ob odnom razgovore i vokrug nego” [About one conversation and around it], *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review], 1993, no. 2, pp. 70–89. (In Russian)

“Iz perepiski M.M. Bakhtina i V.V. Kozhinova (1960-1966)” [From the correspondence of M.M. Bakhtin and V.V. Kozhinov (1960-1966)], in: //

M.M. Bakhtin v kontekste russkoy kultury XX veka. Dialog. Karnaval. Khronotop [M.M. Bakhtin in the Context of Russian Culture of the Twentieth Century. Dialogue. Carnival. Chronotope]. Moscow: Yazyki russkoy kultury Publ., 2000, no. 3-4, pp. 71–290. (In Russian)

Krylov, S.A. “O ponyatii giperfonemy v Moskovskoy fonologicheskoy shkole” [On the concept of hyperphoneme in the Moscow phonological school], in: S.A. Krylov, *Teoreticheskaya grammatika mongolskogo yazyka i smezhnyye problemy obshchey lingvistiki* [Theoretical Grammar of the Mongolian Language and Related Problems of General Linguistics], part. 1. Moscow: Vostochnaya literatura RAN Publ., 2004. (In Russian)

Marr, N.Ya. *Izbrannyye Trudy* [Selected Works], vol. I. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 1933. (In Russian)

Panov, M.V. “Vospominaniya o V.N. Sidorove” [], in: S.N. Borunova, V.A. Plotnikova-Robinson (eds.), *Ottsy i deti Moskovskoy lingvisticheskoy shkoly. Pamyati Vladimira Nikolayevicha Sidorova* [Fathers and Children of the Moscow Linguistic School. In Memory of Vladimir Nikolaevich Sidorov]. Moscow: Institut russkogo yazyka Publ. 2004, pp. 78–87. (In Russian)

Reformatskiy, A.A. “Pamyati Volodi” [In memory of Volodya], in: S.N. Borunova, V.A. Plotnikova-Robinson (eds.), *Ottsy i deti Moskovskoy lingvisticheskoy shkoly. Pamyati Vladimira Nikolayevicha Sidorova* [Fathers and Children of the Moscow Linguistic School. In Memory of Vladimir Nikolaevich Sidorov]. Moscow: Institut russkogo yazyka Publ. 2004, pp. 393–394. (In Russian)

Reformatskiy, A.A. “Sidorovu 6 dekabrya 1963 g.” [Letter to V.N. Sidorov from December 6, 1963], in: S.N. Borunova, V.A. Plotnikova-Robinson (eds.), *Ottsy i deti Moskovskoy lingvisticheskoy shkoly. Pamyati Vladimira Nikolayevicha Sidorova* [Fathers and Children of the Moscow Linguistic School. In Memory of Vladimir Nikolaevich Sidorov]. Moscow: Institut russkogo yazyka Publ. 2004. (In Russian)

Поступила в редакцию 09.11.2021